

Романы для девочек

Вера и Марина ВОРОБЕЙ

Мечтательница

Романы для девочек

Вера и Марина Воробей

Мечтательница

«РОСМЭН»

Воробей В.

Мечтательница / В. Воробей — «Росмэн», — (Романы для девочек)

Тихоня Варя Дробышева, которую в классе иногда даже не замечали, влюбилась в Борьку Шустова. Романтическая мечтательница, Варя посвятила его в свои рыцари. Но все оказалось не так просто: почему-то Варины достоинства казались ему недостатками, и только случай помог Борьке узнать Варю настоящую.

Содержание

1	5
2	6
3	10
4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вера и Марина Воробей

Мечтательница

1

Варя Дробышева росла болезненной девочкой. К шестнадцати годам она умудрилась переболеть всеми детскими болезнями – начиная с ветрянки и заканчивая скарлатиной, после которой у нее возникли осложнения. Впрочем, на проблемах со здоровьем Варя старалась не заикливаться и никогда не выставляла их напоказ; она просто принимала лекарства, если возникала такая необходимость.

Варя была самой обычной девушкой – худенькой, невысокого роста. Можно было бы, конечно, описать ее внешность, прибегнув к избитым литературным клише, но достаточно будет сказать, что дурнушкой она не была, хотя и красоткой ее даже в шутку никто не называл. Да Варя и не мнила себя таковой. И лишь глаза – большие, восточные, цвет которых постоянно менялся от светло-карего до дымчатого, – девушка относил к своим несомненным достоинствам. Втайне она была убеждена, что легкая раскосость, каким-то непостижимым образом передавшаяся генами сквозь века, придает ей таинственный вид. Недаром в детстве Варвара любила изображать персидскую принцессу, закрывая нижнюю часть лица маминым шелковым платком. Только вот эти экзотические глаза никто, кроме нее, не замечал. И саму ее не очень-то замечали. Близких подруг у Вари не было, мальчишки не проявляли к ней интереса. О первом она втайне сожалела, последнее несколько ее не огорчало, ведь ей и самой никто из мальчишек не нравился. Любовь существовала для нее только в книгах, которые она читала самозабвенно, с упоением. Благородные рыцари, красавцы принцы, отважные воины, готовые пожертвовать жизнью ради возлюбленной, – вот кто являлся ее идеалом! Тут уж ничего не поделаешь: Варя с детства была безнадежной романтической мечтательницей, одаренной богатым воображением.

Но две недели назад магическая привлекательность литературных героев вдруг утратила для нее свою силу. И все потому, что Варя влюбилась. Впервые в жизни! Произошло это неожиданно даже для нее самой, как будто она внезапно прозрела и разглядела своего избранника по-настоящему, хотя долгие годы училась вместе с ним и не раз негодовала по поводу его глупых, как ей тогда казалось, шуточек и безрассудных выходок, на которые он был мастер. Впрочем, не будем забегать вперед и расскажем обо всем по порядку.

2

Успешно поборов очередную простуду, Варя отправилась в школу, совершенно не подозревая, что ее там ждет. Класс гудел, будто пчелиный рой. Посидев в сторонке и послушав горячие споры одноклассников, как всегда не заметивших ее появления, Варя быстро разобралась в сути конфликта, возникшего из-за совершеннейшего пустяка: на уроке алгебры Волков и Малышева держались под партой за руки, а Клавдии Петровне это не понравилось.

Ну и что такого ужасного произошло? Стоило ли из-за этого устраивать скандал и выгонять парочку с урока? Однако Клава именно так и поступила – отправила Аню с Ваней за дверь, а после принялась читать лекцию: мол, любовь не вздохи на скамейке, а школа не дом свиданий. Тут не выдержала Даша Свиридова и заявила математичке, что та не права. Встала и прямо так и сказала: «Вы не правы, когда говорите так о любви, – и добавила: – Вам нужно извиниться перед Ваней и Аней». Клава, конечно, и не подумала это сделать, а Даша последовала за дверь вслед за провинившимися. А когда математичка спросила: «Кто еще думает так же, как Свиридова?» – первым встал Сергей Белов, или Белый. Вслед за ним, как и следовало ожидать, вышло полкласса. Клава этим не ограничилась, устроив оставшимся самостоятельную по новой теме. Короче: коль рубить – так уж сплеча.

Возможно, и даже скорее всего, этот конфликт закончился бы в кабинете директора обычной проработкой «отличившихся», но буквально через день после означенных событий (именно в тот день Варя и пришла в школу) в журнале появились отметки за самостоятельную работу. Результаты потрясли всех до глубины души, хотя оценки были проставлены карандашом: из пятнадцати человек всего лишь шестеро получили тройки, в том числе и двое будущих медалистов, а остальные – двойки. Только у отсутствовавших по болезни Вари Дробышевой и Алисы Залетаевой остались чистые клеточки. Тут-то ребята и взбунтовались: надоело терпеть самодурство Клавы. Свой предмет она, может, и умела излагать ясно и доходчиво, но вот к ученикам подхода не имела и искать его не собиралась.

– Ну что будем делать? Какие предложения? – Разозленная Туполева взяла на себя руководство собранием, впрочем, никто иного и не ожидал от старосты и отличницы, получившей трояк.

Сначала наступила тишина, а потом предложения посыпались как из дырявого мешка, слово «бойкот» звучало все чаще и чаще. Не пришедших в школу Волкова с Малышевой – можно сказать, невольных виновников происшествия – никто и не вспоминал. Вопрос ставился шире: десятому «Б» бросили перчатку, и не принять вызов ребята не могли. Все похватали сумки, рюкзаки и направились к выходу, чтобы за пределами школы обсудить дальнейшие действия, а заодно разработать стратегию поведения.

Варя хоть и не участвовала в этих бурных событиях, но с первой минуты ощущала себя причастной к ним. Ни слова не говоря, она взяла сумку и пошла вместе со всеми. Справедливость того требовала. А раз так, какие могут быть сомнения?

В сквере буйно желтели клены, напоминая, что на дворе осень, на небе хмурились тучки, впервые за эти дни появившиеся над Москвой. Но шумная компания не замечала этих природных изменений. Народ веселился от души, придумывая, как отомстить Клаве.

– Можно доску воском натереть!

– Или стул клеем извозить. Белый, помнишь, как ты этот номер с охранником проделал?

– А давайте как в «Республике Шкид». Клава только отвернется к доске, а мы зудеть начнем. Вот так! – живо изобразила Туся – киношная девушка, что тут скажешь.

– Не! Лучше кукарекать, – поддержал Вадим Ольховский.

– А можно кукарекать и мяукать!

– И квать!

– И хрюкать! Вот так: хрю-хрю-хрю! – раздурчился Виталик Комаров.

– А я мычу отлично. Му-у-у, – подключилась Маринка Голубева низким голосом.

– Точно! Она обернется к нам, а мы сидим как ни в чем не бывало, ручки сложены, ушки на макушке! – вторила ей Лиза Кукушкина.

Конец этому веселью положил вопрос Комара:

– Белый, как тебе идея? Зацени!

– Я в этом балагане не участвую, – прямолинейно сказал Белый. – Она, можно сказать, нас всех мордой об асфальт размазала, а вы... – пренебрежительно хмыкнул он, сдвинув темные брови, – мяукать на следующем уроке собираетесь. Ну-ну... Флаг вам в руки...

Стал накрапывать мелкий дождик. Головы ребят усеяло мелкими прозрачными бисеринками. Кое-кто из девочек набросил капюшон, кто-то шелкнул зонтиком, парни проигнорировали эти природные мелочи. Варя поежилась, не решаясь пристроиться к кому-нибудь под зонтик. И вдруг Борька Шустов снял свою фирменную бейсболку и натянул ей на голову со словами:

– Надень, воробушек ты наш, а то опять разболеешься.

Варя взглянула на него и, почувствовав, как в груди потоками разливается приятное тепло, тихо поблагодарила:

– Спасибо.

– На здоровье. – Скользя по ее лицу рассеянным взглядом, он обратился ко всем: – Белый прав, кончайте свои детсадовские штучки. Дело-то серьезное замутили. Вся школа через час на ушах стоять будет, а вы как маленькие!

Дальнейший разговор одноклассников пробивался в Варино сознание словно сквозь плотный лондонский смог. В душе творилось что-то невообразимое – смутение, удивление, испуг... Варя смотрела на Шустова как зачарованная и понимала только одно – она влюбилась!

«Да бросьте! – скажет кто-то с усмешкой. – Подумаешь, надел бейсболку! Обычная вежливость». Для кого-то, может, и так. Но Варя увидела в этом иной, гораздо более глубокий смысл. Впервые о ней побеспокоился кто-то еще, кроме мамы, папы и близких людей. Таким человеком стал Боря Шустов. И Варя, не раздумывая, посвятила его в свои рыцари! Странное чувство все больше утверждалось в ней. Ей казалось, что весь мир плывет, как в зыбком мираже, и все в нем колеблется и расплывается в каком-то знойном мареве. Ей и в самом деле стало жарко, по телу прокатилась горячая волна. Неуемное воображение тут же нарисовало картину бушующего вокруг нее пожара. Снизу на нее смотрят люди, и среди них ее избранник. Он с ужасом и отчаянием взирает на нее, а потом расталкивает толпу и кидается к парадной лестнице замка, объятая языками пламени. Через минуту он врывается в спальню, бросается к ней, обнимает. Глаза его слезятся, он весь грязный и задыхается от дыма, но продолжает крепко удерживать ее за плечи.

«Вот так умереть!» – пугается она своего безумного восторга. В этот момент над их головами раздается сильный треск, и, рассекая лепнину потолка, ползет зловещая трещина. Сильные руки отрывают Варю от пола, Боря бросается с ней вниз, пробираясь сквозь пламя, лижущее дерево и шелковую обивку стен. За ними все с треском рушится, падает, грохочет, пекло ада преследует их по пятам, но спасительный выход все ближе и ближе...

«Господи, я решил, что это конец! Что крыша вот-вот рухнет и ты... – Его напряженное лицо искажается мукой, хотя все опасности позади. – Это было невыносимо представить себе, что ты... это было невыносимо... и все!»

«Да! Я тоже!» – хотела крикнуть Варя, но тут резкий голос Сережки Белого ворвался в мир ее грез:

– Значит, полноценный бойкот! Будем требовать, чтобы Клаву от нас убрали!

Никто не заметил Вариной растерянности, ее горевшего лица, все смотрели на Белого. А он с ироничной усмешкой цитировал слова все той же Клавы:

– Только прежде чем кто-то из вас пойдет на это в знак глупой солидарности или еще по каким-то соображениям, советую учесть все последствия этого поступка!

Напоминание было совсем не лишним. Классный руководитель Кахобер Иванович, к которому ребята бросились бы за помощью в первую очередь и который непременно бы им помог не только нужным советом, но и делом, в настоящее время был на курсах повышения квалификации в далеком Казанском университете. Положение осложнялось еще и тем, что директор школы Федор Степанович неделю назад угодил в больницу с гипертоническим кризом, и бразды правления в свои руки взяла новый завуч, Раиса Андреевна Дондурей. У нее был леденящий душу взгляд, замашки Аракчеева, и мало у кого из ребят возникало желание перечить ей. Из-за этого взгляда учительскую, где чаще всего происходили разборки, теперь стали называть морозильником. Но, похоже, ученики десятого «Б» пришли к молчаливому согласию, что на миру и смерть красна. А Даша Свиридова к месту припомнила мушкетерский девиз: «Один за всех и все за одного!» И хотя Варя в тот осенний день была поглощена собой и тем, что с ней происходит, она все же успела заметить, какими взглядами обменялись Даша и Белый.

Впрочем, в ту минуту Варя не придавала этому большого значения. Назревали такие события!

Несколько дней их всех по очереди вызывали к завучу в директорский кабинет, выясняли, кто зачинщик, увещевали, запугивали. Ребята твердо стояли на своем – никто никого не подбивал. Наказывать, так всех. Клавдия Петровна – вторая конфликтная сторона – в школе не появлялась. Официально было сообщено, что математичка больна, во всяком случае, уроки у старшеклассников вела молоденькая Ирина Борисовна.

Школа, как в подобных случаях и положено, разделилась на два лагеря: сочувствующих и осуждающих. Пессимисты «бэшек» иначе как смертниками не называли и говорили: «Хуже быть не может!» А оптимисты радостно кричали: «Может! Может!» – и приветствовали ребят строфой подзабытого вестника революции Горького: «Безумству храбрых поем мы песню!»

В общем, разгорался скандал, беспрецедентный скандал! Но до родительского собрания, к счастью, дело не дошло. Великое противостояние, наделавшее столько шума, благополучно завершилось в тот момент, когда этого никто не ожидал. Произошло это приятное событие сегодня утром. Перед началом первого урока в кабинет английского заглянула Дондурей и металлическим голосом сообщила:

– Только что у меня был разговор с Клавдией Петровной, и, как я ее ни упрашивала повременить до выхода из больницы Федора Степановича с этим решением, она наотрез отказалась преподавать в вашем классе! С этого дня математику у вас будет вести Ирина Борисовна.

Гробовая тишина сменилась всеобщим ликованием. В воздухе замелькали сумки, тетрадки – словом, все, что под руку попадалось. Ухода Дондурей никто не заметил. Десятый «Б» одержал победу!

– Ребсы! Поляну нужно накрыть! – крикнул Вадик Ольховский, вытанцовывая что-то замысловатое на парте.

– Верняк! Отметить такое событие!

– Ноу проблем! Гуляем!

– А где?

– Завтра в семь у меня! – крикнул Шустов.

– А предки?

– В отъезде! Все схвачено!

Это сообщение вызвало новый взрыв радости: такая везуха не каждый день выпадает.

И вот теперь Варя сидит и решает для себя важный вопрос: идти ей на это празднование или нет? «Не пойду!» – настраивала себя Варя. – Все равно мое присутствие там никто не заметит». В тот же миг перед глазами возник любимый образ: темные волосы, небрежно

спускающиеся на воротник, карие глаза, беспечно сверкающие из-под длинной челки, легкая небрежная улыбка. Сердце сладостно зануло. За эти две недели она открыла в своем избраннике массу достоинств, которые почему-то прежде ускользали от ее внимания. В Боре непостижимым образом уживались легкомыслие и серьезность. Сам того не ведая, он придерживался восточной философии: к мелочам относился основательно, а к глобальным вещам – легко. Он состоял из поступков – поступков неоднозначных, поступков везде и во всем. Кроме того, он не боялся принимать решения и нести ответственность за них. Эта черта ей больше всего в нем нравилась. Наверное, потому, что ей не хватало уверенности в себе.

«Пойду! – подумала Варя, перебарывая свою нерешительность. – Он же непременно будет там!»

Ну действительно, какой же праздник без хозяина? Избавившись от последних сомнений, Варя отправилась чистить зубы, а затем прямехонько в постель. Ночью кошмары ее не беспокоили, она не металась по кровати, не убегала от чудовищ, не падала в пропасть, а спала, уютно свернувшись под пуховым одеялом, и даже улыбалась чему-то во сне, что, несомненно, подтверждало мысль, что она приняла верное решение.

3

На следующее утро, когда Варя еще нежилась в постели с книжкой в руках, к ней в комнату заглянула мама. Улыбаясь неизменно бодрой улыбкой, она прикрыла трубку рукой и заговорщицким шепотом сообщила:

– Варюш, тебе какая-то Даша Свиридова звонит.

Заложив странички закладкой, Варя поспешила взять трубку. Мама знала всех ее одноклассников, поскольку регулярно посещала родительские собрания и не раз помогала школе в проведении общественных мероприятий, вроде поездки в Исторический музей или классного «огонька», но имя Даши Свиридовой ей ничего не говорило. И Варе было вполне понятно это странное выражение, промелькнувшее на лице мамы: в нем было и удивление, и любопытство, и удовольствие, ведь ее любимую дочку сверстники нечасто баловали звонками.

– Да, я слушаю, Даш, – сказала Варя, наблюдая, как мама тактично прикрывает за собой дверь.

– Варь, я не очень рано? – Дашин голос звучал глухо, отрывисто, как будто она была чем-то взволнована.

Варя взглянула на электронный будильник: двадцать минут одиннадцатого.

– Да нет, я уже давно встала. Я вообще жаворонок. А что?

– Да я насчет вчерашнего. Хотела у тебя уточнить, ты к Борьке собираешься?

– Вообще-то собираюсь. – Варя откинула спутанные волосы с лица и, разумеется, вспомнила вчерашнее приключение, которое неожиданно сблизило ее и Дашу.

Во всяком случае, ей хотелось надеяться, что это так.

А случилось следующее. После уроков Варя зашла к своей двоюродной сестре Наташке, чтобы повидаться, рассказать о своих школьных новостях, а заодно и постричься. Наталья считалась мастером высокого класса, работала в салоне «не для всех», к ней была постоянная бесконечная очередь по записи, но для родственников у двадцатитрехлетней круглолицей хохотушки всегда находилось время. Так что стильная стрижка, способная привлечь внимание самых отъявленных модниц, Варя была обеспечена.

Укоротив темно-каштановые кудри и усилив акцент на асимметрию редкой челки, что, как ей казалось, придавало ее внешности более раскованный вид, Варя вышла из парикмахерской в приподнятом настроении.

«Верно мамочка говорит: когда у женщины все хорошо на голове, у нее и в голове больше правильных мыслей и меньше комплексов», – подумала Варя и тут впереди себя, примерно в двадцати шагах, увидела медленно бредущую в том же направлении Дашу. Плестись в хвосте показалось Варе глупым занятием, обгонять, делая вид, что не замечаешь одноклассницу, было не в ее правилах. Варя решила окликнуть Дашу. Но если честно признаться, для этого была еще одна причина. Даша сегодня сбежала с уроков и, судя по намокшей куртке, все это время прогуляла под дождем. И Варя догадывалась, что виновником этих событий был Сережка Белов и его запутанные отношения с подружками – Дашей и Алисой Залетаевой, сидевшими за одной партой.

Странная это была дружба. Глядя на девчонок, складывалось впечатление, что Алиска вертела Дашей как хотела. Белый вроде как встречался с Алиской, красивой, самоуверенной и избалованной вниманием парней девчонкой, и в то же время между ним и Дашкой в последние дни шла неуправляемая химическая реакция. Тут Варя невольно улыбнулась случайно получившемуся каламбурю: Даша и в самом деле взялась подтянуть Белого по химии. Всем в классе было ясно, что Дондурей задалась целью выставить его из школы за неуспеваемость по своему предмету, хотя, несомненно, корни ее неприязни лежали гораздо глубже: Белый не раз вызывал гнев учителей своими выходками. Его характер считали сложным, от него можно было ждать

любых неприятностей. Но пока все старания завуча были тщетны. Благодаря Даше Белый не только исправил двойку хорошим ответом у доски, но и получил четверку по самостоятельной. И Варя втайне радовалась, наблюдая, как Белый и Даша сближаются, потому что ей нравилась Даша и совершенно не нравилась заносчивая, самовлюбленная Алиска.

Видно, и Сергей стал понимать что к чему, потому что внезапно между ним и Алиской пробежала черная кошка. Они целую неделю не разговаривали, и всем оставалось только догадываться, что же произошло между ними. Домыслы были всякие: кто-то говорил, что это окончательный разрыв, кто-то утверждал, что случайная ссора. Алиска и Сергей отмалчивались.

И вдруг на английском, после того как Дондурей вывесила белый флаг, Алиска бросилась к Белому на шею и, восторженно вереща, повисла на нем, будто в этой победе была и ее заслуга. А ведь она единственная, кто отсиделся дома, благополучно «проболев», пока десятый «Б» боролся за справедливость. Вот Даша и сбежала, чтобы не видеть, как Алиска снова опутывает своими чарами Сережку. И ее можно понять и... посочувствовать. Так думала Варя, приближаясь к Даше, привычно теребившей кончик намокшей, тяжелой косы.

А примерно через полчаса непонятно как, но факт, Варя опять оказалась в том же салоне у Наташки. Правда, теперь уже в кресле с блестящими от возбуждения глазами и порозовевшими щеками сидела Даша, а Варя с ужасом взирала на то, как родственница взвешивает на ладони Дашкину толстую русую косу, приговаривая при этом:

– Хорошо девице в средней полосе, можно удавиться на своей косе! Да-а-а, Даш, шутки шутками, а коса-то у тебя и в самом деле шик-блеск-красота. – Наташа, как все профи, произнося эти слова, смотрела не на Дашу, а на ее отражение в зеркале. – Может, подождешь отрезать, подумаешь?

– Нет! – в отчаянии замотала головой Дашка. – Режьте! Я не передумаю. Мне нужно себя изменить! Прямо сегодня!

– Ну, смотри... – Наташа окинула Дашу придирчивым взглядом и, как бы между прочим, заметила: – А может, и верно. В наши дни с такими волосами одна морока. Кстати, родители при виде тебя обновленной в обморок не попадают?

Варя чуть не свалилась со стула. Ну откуда сестре было знать, что Даша живет с одним отцом, а мама у нее умерла?

Но Даша отнеслась к ее вопросу спокойно:

– Нет, обойдется. Папа сказал, что он меня всякую любовь будет. И что я сама должна решать, как мне лучше.

– Правильный у тебя папик, а... – Тут Наташка заметила сердитый, предупреждающий взгляд Вари, интуитивно осознала, что ее куда-то не туда несет, и быстро свернула на профессиональную дорожку. – Значит, так, лицо у тебя вытянутое, кожа матовая, лоб высокий. Я, пожалуй, сделаю тебе послойную укладку. Мне она нравится. А за косу твою, тургеневская девушка, – деловито пощелкала ножницами в воздухе Наташа, – наш салон тебе тысяч восемь отвалит.

– Не нужно, – выдохнула Даша.

– С собой заберешь, на память?

– Нет.

– Тогда от денег не отказывайся. Тоже мне богачка! Купишь себе какую-нибудь фирменную шмотку, – практично отозвалась Наташка и, улыбаясь, сказала: – Ну-с, приступим.

На глазах у Вари начало происходить маленькое чудо. Она заворуженно наблюдала, как ножницы в руках двоюродной сестры щелкают и щелкают, а мокрые темные локоны падают на пол. Прошло полчаса, сорок минут...

– Вот так! – Наталья отступила от зеркала, чтобы Даша смогла наконец увидеть себя.

– Ой! Неужели это я?! – Даша ошеломленно смотрела в зеркало, явно не узнавая себя.

Суперсовременная, безукоризненная свободная прическа обрамляла растерянное, но восхищенное личико Даши. Волосы лежали мягкими волнами, ничто нигде не торчало, виски с обеих сторон прикрывали крупные завитки, слегка касающиеся щек. Варя с удовольствием отметила, что черты Дашиного лица изменились, стали значительнее, ярче, избавившись от довлеющей массы волос.

– Аккуратненько получилось! – усмехнулась Наталья, любуясь результатами своего труда.

Она пожертвовала обедом ради Даши и, похоже, нисколько не жалела об этом.

– Аккуратненько! – Даша вскинула дрожащие руки и едва прикоснулась к волосам, боясь потревожить прическу. – Наташ, ты волшебница, правда-правда! У тебя золотые руки.

– Ну скажешь уж! – замахала Наташка этими золотыми руками, впрочем, перстни на них действительно были золотые, и обернулась к Варе: – Сестренка, а ты что молчишь?

– В себя прихожу, – честно призналась Варя. – Знаешь, Нат, со стороны за этим процессом наблюдать еще интереснее, чем когда точно такие же процедуры проделывают с тобой.

А потом Варя подумала, что Даша не случайно выбрала именно этот день для своего чудесного превращения.

– Вот увидишь, ему понравится, – не удержавшись, шепнула она Даше, когда девчонки оказались на улице.

Даша вспыхнула, но не стала притворяться, что не понимает, о ком идет речь:

– Ты думаешь?

– Конечно.

Они помолчали, идя рядом.

– Варь, а ты не видела, они сегодня вместе из школы ушли? – доверительно поинтересовалась Даша.

Они – это Сережка с Алиской, тут не нужно быть провидцем.

– Нет, к сожалению, не видела.

Не могла же Варя признаться вот так с бухты-барахты, что она неотрывно наблюдала за Борей. И вчера, и сегодня, всегда... Ей казалось, что он должен был заметить ее отношение к нему, почувствовать в ответ что-то такое, что дало бы ей хоть крошечную возможность надеяться. Но Боря вел себя так, словно хотел сказать: «Мне нравится моя нынешняя жизнь, и никакие разговоры о девчонках не испортят ее».

– А все равно мы молодцы! Ну, что победили, не сломались. – Даша первой нарушила молчание, и Варя была этому рада: некоторые воспоминания могли далеко ее завести, а сейчас думать об этом не хотелось.

– Да, знаешь, я сегодня впервые почувствовала, что граница между вашими «вэшками» и нашими «бэшками» совсем исчезла, теперь мы один класс, – призналась она.

– Точно. Кстати, раз уж мы об этом заговорили, ты собираешься к Борьке на празднование?

– Пока не решила. А ты? – спросила в свою очередь Варя.

– Я тоже пока думаю, – откликнулась Даша. На ее лице было написано сомнение примерно такое же, какое испытывала Варя. – Слушай, а давай завтра с утра созвонимся, – предложила Даша. – Надумаем – вместе пойдем.

Варе эта мысль показалась вполне разумной. Кто знает, что этот вечер им приготовит. А вдвоем всегда легче, чем поодиночке. У Окуджавы, кажется, есть такая песня: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке».

«Вот так, наверное, и завязывается дружба», – пришло в голову Варе, прежде чем она согласилась на Дашино предложение.

На этом они расстались. Даша пошла в сторону универсама, Варя – к себе, в пятый микрорайон. И вот теперь Даша, верная данному слову, звонила Варе.

– Значит, решено, идем к Борьке? – сказала она, и опять в ее голосе Варя уловила странные нотки, вроде бы радостные, но, с другой стороны, она явно что-то недоговаривала, тяготилась чем-то. Спрашивать Варю не пришлось, Даша сама призналась: – Только ничего, если я за тобой не одна зайду, а, Варь?

– А с кем? – насторожилась Варя.

Неужели Алиска напросилась? Решила составить им компанию по старой дружбе. С нее станется.

– С Сережкой Беловым! – услышала Варя и от неожиданности чуть не подпрыгнула к потолку.

– Правда?!

– Да! – Даша счастливо рассмеялась. – Он вчера вечером ко мне пришел. В общем, они с Алиской больше не встречаются!

– Рада слышать, – откликнулась Варя и спросила о том, о чем любая спросила бы на ее месте: – Даш, а ты с Алиской на эту тему говорила?

– Пока нет. У нее на звонки никто не отвечает. Я понимаю, что без этого разговора нам с ней не обойтись. Только мне обидно, что придется вроде как оправдываться. Я же перед ней ни в чем не виновата. Я целый год в себе свои чувства держала.

– Целый год! – восхитилась Варя.

– Да! Не давала им наружу вырваться! В общем, я Сережку не отбивала. Мы когда химией занимались, я даже намека себе не позволяла. Знаешь, какая строгая с ним была: на самокате не подъедешь!

– Да не парься так, Даш, все утрясется, – принялась успокаивать Варя. – Алиска вообще не из тех девчонок, что долго расстраиваются. Вспомни, сколько у нее парней было. Сегодня один нравится, завтра другой. Подуется и перестанет.

– Только на это и надеюсь. Но все равно спасибо тебе за поддержку, сразу на душе полегчало. Да, Варь, чуть не забыла! Сережке моя стрижка очень понравилась, так что спасибо тебе два раза. – Даша глупо хихикнула, похоже, в эти минуты ее не могли расстроить никакие неприятности. – Знаешь, что он мне сказал?

– Ну что?

– Что совсем не уверен, что я и есть та самая Даша Свиридова, а после признался, что иногда боялся, что моя коса когда-нибудь переломит меня напополам.

– Вот видишь, он за тебя боялся. Значит, ты уже тогда была ему небезразлична. – Варя решила, что пора перейти к главному вопросу, который как-то сам созрел во время беседы. – И знаешь что, Даш, не нужно за мной заходить. Ну что вы будете туда-сюда бегать!

– А ты не обидишься?

– С чего это вдруг? – искренне изумилась Варя. – Я же сама тебе это предложила. И потом, я знаю, где Борька живет, так что доберусь, не маленькая.

– Ну ладно, договорились. Увидимся в семь у Шустова. Кстати, я подумываю сделать фаршированные грибы. А ты чем собираешься удивить?

Варя мысленно обругала себя раззявой! Если бы не Дашка, явилась бы с пустыми руками, на халяву. Хороша бы она была! В мозгу мгновенно вспыхнул список блюд, которые они с мамой готовили по праздникам.

– Я, наверное, салат приготовлю. «Черная курица» называется, – поразмыслив, сказала Варя.

– Ух ты! Ни разу не слышала о таком, но, судя по названию, что-то потрясающее. Ладно, у Борьки попробуем, – пообещала Даша, прежде чем положить трубку.

4

На кухне Варя появилась с улыбкой на лице, что-то мурлыча себе под нос.

– Чем вызвано такое радужное настроение? – сразу же поинтересовалась мама, от которой редко что ускользало.

Деревянной лопаточкой она ловко переворачивала подрумянившиеся оладьи. На другой конфорке под прозрачной стеклянной крышкой золотился омлет.

– Да так... Солнышко светит, птички поют, и я иду на вечеринку с одноклассниками.

– Неужели? – подал голос папа.

В выходные дни он обычно бегал в парке, не изменил он этой привычке и на этот раз, что подтверждал его бодрый вид и свежие утренние газеты. Усевшись за обеденный стол, Анатолий Семенович развернул одну из них, но, как заметила Варя, углубиться в чтение не спешил. В его глазах плясали чертики.

– Значит, у вас намечается школьная тусовка? Будешь, как теперь принято выражаться, оттягиваться на всю катушку – тусоваться, кайфовать и морально разлагаться.

– Ну да, – согласилась Варя и подыграла отцу: – Решила пойти по наклонной плоскости.

– Золотые слова, – обрадовалась мама вполне искренне.

Это была нормальная реакция на то, что Варя засиделась дома. Бедные родители волновались за нее и хотели, чтобы у единственной дочери появились увлечения, как у всех, и она в конце концов обзавелась друзьями. Но ведь это не противоречило и Вариным желаниям.

– Значит, вы у Даши собираетесь? И кто же она такая, эта Свиридова Даша? Далеко от нас живет?

Выяснив главное, мама принялась за детали, не забывая о хлебе насущном.

На столе появилась сметана, баночка клубничного джема, тарелка с пышными оладушками. Варя и папа, не сговариваясь, потянулись к аппетитной горке.

– Даша живет в двух кварталах от нас, около универсама, – сообщила Варя, подцепив вилкой румяный кругляш. – Раньше она училась в девятом «В», поэтому ты ее не знаешь, и вечеринка не у нее, а у Бори Шустова, в его еврохоромах. – Варя сдвинула брови, припоминая: – Кажется, я ответила на все твои вопросы?

– Нет, только на малую их часть. – Мама мило улыбнулась, всем своим видом давая понять: «Не надейся, так легко от меня не отделаешься», – и тут же принялась выяснять, до которого часа Варя намерена веселиться, как она доберется после домой и еще кучу всяких мелочей, вроде: – А в чем заключается твое участие?

– О! Своевременный вопрос! – встрепенулся в этом месте папа, оторвавшись от газеты. – Помнится, во времена нашей бурной молодости мы всегда устраивали складчину.

– Железное правило вечеринок: девочки обеспечивают закусь, мальчики – обильное и разнообразное питье, – поддакнула мама.

Варя успокоила обоих:

– Спешу порадовать: эти незывлемые традиции живут и поныне. – Она обвела родителей взглядом. – Я собираюсь приготовить «Черную курицу».

– Годится, – согласилась мама, но тут же не преминула напомнить: – Кстати, не забудь о пикантном соусе.

Возразить было нечего: без острого соуса, состоящего из майонеза, кетчупа и лечо, заявленный салат, где главным компонентом была копченая курица, консервированный ананас и яблоки, терял свой экзотический вкус. Словом, чтобы не ударить в грязь лицом, Варе предстояло потрудиться.

Слава богу, в процесс готовки мама не лезла, освободила для дочери поле деятельности, зато наверстала упущенное, проявив фантастический энтузиазм, собирая ее на вечеринку.

Вытряхнув кучу вещей из своего платяного шкафа, она завалила ими всю Варину комнату. Их семья была благополучной во всех отношениях, и в материальном плане тоже.

Варин папа был искусствоведем, широко известным в определенных кругах экспертом по живописи и иконописи восемнадцатого века. В последнее время он занимался частной практикой. К нему со всей Москвы съезжались новоявленные коллекционеры. В этом году благодаря одной удачной консультации они втроем провели неделю в Португалии. Между собой семейство Дробышевых называло эту поездку хождением за три моря. К сожалению, этими фантастическими воспоминаниями Варе не с кем было поделиться, разве что с Дашей. Когда-нибудь, при случае. А Варина мама работала в Большом театре, костюмером. Она предпочитала говорить «служила», потому что твердо придерживалась мнения, что в искусстве не работают, ему служат, его боготворят, хотя и не отрицала права людей творческой профессии на приличное вознаграждение за свое служение Мельпомене.

Но сейчас мама носилась по комнате как сумасшедшая, и весь ее творческий порыв уходил на то, чтобы заставить Варю примерить еще и эту миленькую кофточку, а затем снять ее и заставить надеть следующий наряд.

Папа, проходя мимо, посочувствовал:

– Боюсь, дочка, к семи тебе не управиться.

– Управимся, если ты не будешь путаться у нас под ногами, – отрезала мама и протянула Варе что-то блестящее, напоминающее паутинку, со словами: – Вот, надень это. Посмотрим...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.